

1 Декабря.

№ 23

XV годъ.

№ 23

1904 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СИНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во все города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ (16-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

„ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СИНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Кромѣ официальной части, въ журналѣ помѣщаются: слова, рѣчи и внѣбогослужебныя бесѣды, статьи и замѣтки по вопросамъ богословскимъ, церковно-историческимъ и проч., историко-статистическія свѣдѣнія о церквахъ военно-морскаго вѣдомства, воспоминанія объ отличившихся на войнахъ полковыхъ священникахъ и вообще герояхъ-воинахъ, поучительныя свѣдѣнія о духовно-просвѣтительной

дѣятельности военнаго духовенства, библиографическія замѣтки, некрологи и проч.

О выходѣ этого изданія объявлено въ циркулярахъ Главнаго Штаба 10 декабря 1891 года за № 224, 1892 г. № 254, 1893 г. № 287, 1894 г. № 254 и 1903 г. № 235.

Цѣна годового изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе двухъ печатныхъ листовъ, *три рубля*, съ доставкою и пересылкою. Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи О. Протопресвитера Военнаго и Морского духовенства (С.-Петербургъ, Воскресенскій просп., № 18).

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

1.

Государь Императоръ, по всеподданиѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 24-го минувшаго октября, утвердить пожалованныя генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, по Высочайше предоставленной ему власти, священникамъ церковей: своднаго Портъ-Артурскаго полевого госпиталя *Теодору Скальскому* и 7-го пѣх. Сибирскаго Красноярскаго полка *Василію Тюшнякову* награды — орденъ Св. Анны 3-й степени съ мечами, за оказанныя ими отличія въ дѣлахъ противъ Японцевъ.

2.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о награжденіи іеромонаха Якутскаго Спасскаго монастыря Алексія за усердное исполненіе имъ пастырскихъ обязанностей на крейсерахъ перваго ранга «Рюрикъ». Приказали: Во вниманіе къ отлично-усердному исполненію іеромонахомъ Алексіемъ пастырскихъ обязанностей на крейсерахъ перваго ранга «Рюрикъ», наградить іеромонаха Алексія Синодальнымъ наперснымъ крестомъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 15-го минувшаго октября сего 1904 года, на должность Полеваго Главнаго священника во вторую, вновь формируемую на Дальній Востокъ, Маньчжурскую армію назначенъ настоятель Тифлисскаго Свято-Николаевскаго собора священникъ Александръ *Журавскій*, съ возведеніемъ его въ санъ протоіерея.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА

О томъ, какъ старослужащіе солдаты должны вести себя съ новобранцами.

Еже бо аще съетъ человекъ, тожде и поженетъ. Посл. къ Галатамъ, (гл. 6, ст. 7).

Въ настоящее время къ вамъ прибываютъ молодые люди, призываемые на службу Государю и Отечеству. Они у васъ, старослужащихъ, будутъ учиться, подъ руководствомъ начальствующихъ лицъ, всему тому, чему обучены вы въ воинскомъ дѣлѣ и воинскомъ быту, чтобы потомъ, сравнявшись съ вами въ познаніяхъ и навыкахъ, потребныхъ воину, продолжать въ товариществѣ съ вами честную и вѣрную службу царскую. Какъ видите, предъ вами теперь дѣло важное.

Вновь поступающіе на службу составляютъ съ вами одну воинскую часть. Вы уже нѣкоторое время послужили, воинское дѣло, сколько требуется отъ нижняго чина, изучили, съ воинскимъ бытомъ освоились.

А имъ все это ново, незнакомо; какъ держать себя; какъ ступить, какъ повернуться, какъ взглянуть, какъ и къ кому за совѣтомъ обратиться, — ничего этого они не знаютъ. А что касается служебныхъ воинскихъ знаній, о томъ, конечно, и говорить нечего; все это еще имъ неизвѣстно. Всему этому имъ нужно учиться у васъ. Когда, какъ и чему именно имъ учиться, — это укажетъ начальство; не о томъ моя рѣчь. Я съ своей стороны хочу только предложить вамъ нѣсколько совѣтовъ относительно того, какъ вамъ исполнить вашъ долгъ по совѣсти, согласно присягѣ и христіанскимъ обязанностямъ.

Вновь поступающіе на службу молодые солдаты, пока свыкнутся съ своимъ новымъ бытомъ, обыкновенно тяготятся имъ и, въ большинствѣ случаевъ, чувствуютъ недовольство и скуку. Къ этому располагаетъ ихъ отчасти то, что, съ поступленіемъ въ военную службу, измѣняется ихъ порядокъ жизни и они поставляются въ новое, непривычное имъ положеніе. Но главная причина этого заключается въ томъ, что они не ясно представляютъ себѣ, или и вовсе не сознаютъ важнаго значенія воинскаго званія. Поэтому вы прежде всего постарайтесь дать имъ понять, что воинское званіе есть званіе почетное и высокое; что почетнымъ и высокимъ дѣлаетъ его тотъ священный обѣтъ, который въ присягѣ предъ Богомъ и людьми произноситъ вступающій въ военную службу, — обѣтъ — служить вѣрою и правдою своему истинному и природному Великому Государю Императору, быть защитникомъ св. Вѣры, Престола и Отечества и, въ случаѣ нужны, не колеблясь, жертвовать собою, — положить жизнь свою за честь и благоденствіе родной страны и своихъ ближнихъ. Постарайтесь дать имъ понять, что честное и вѣрное исполненіе воинскаго долга есть высшая христіанская добродѣтель, какъ училъ Самъ Христосъ Спаситель, говоря: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). И знайте, что они легче и глубже поймутъ это не столько изъ словъ, сколько изъ примѣра вашего; т. е. если вы на самихъ себѣ покажете имъ, какъ вы уважаете воинское званіе, какъ вы дорожите честію военнаго мундира, какъ вы усердны и искренни въ исполненіи служебныхъ вашихъ обязанностей. Тогда они, присматриваясь къ вамъ, проникнутся сознаниемъ, что воинское званіе дѣйствительно возвышаетъ человѣка. Это ободритъ ихъ

духъ, они навькнутъ держать себя съ достоинствомъ приличнымъ воину, какъ слугѣ Государеву, и охотнѣе стануть изучать воинское дѣло.

Петомъ. Правила и уставы воинской службы они изучать не вдругъ. Но имъ съ перваго же дня нужно понять то, въ чемъ самая суть воинской службы. Суть эта состоитъ въ воинской дисциплинѣ, т. е. въ безусловномъ повиновеніи начальству и въ точномъ исполненіи его распоряженій и приказаній. Воинъ своей воли не имѣетъ; его воля въ волѣ начальства; на службѣ онъ исполняетъ только то, что приказываетъ начальство; поставленнымъ надъ нимъ начальникамъ онъ, согласно принятой имъ присягѣ, повинуется по доброй волѣ, искренно, охотно. Въ этомъ вся крѣпость, вся сила каждой воинской части. Имъ, новичкамъ въ военной службѣ, нужно запомнить это сразу и навсегда. Я не говорю, что они этого вовсе не знаютъ; напротивъ, имъ, безъ сомнѣнія, приходилось не разъ слышать, что говорится объ этомъ въ словѣ Божіемъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Римл. 13, 1); знаютъ они, что Самъ Господь издревле установилъ начальства и власти для порядка и благоустройства жизни человѣческой. Но когда они на васъ увидятъ живой примѣръ того, какъ русскій воинъ искренно и свято хранитъ и почитаетъ это святое установленіе, тогда слово Божіе о повиновеніи властямъ и начальству закрѣпится въ ихъ душахъ и они никогда не сдѣлаются нарушителями воинской дисциплины.

Далѣе. Наблюдайте за молодыми воинами, чтобы у нихъ не поселялся, иногда замѣчаемый, ложный взглядъ на солдатскій бытъ; взглядъ, по которому иные думаютъ, что солдатъ лязга въ вести себя порядочно только на службѣ, а внѣ службы онъ можетъ по гупать такъ, какъ ему вздумается; на то, говорятъ, онъ солдатъ; и полагаютъ, что ему можно безнаказанно нарушать правила приличія, благонравія, напр., сказать встрѣчному оскорбительную шутку, толкнуть прохожаго, опр кинуть лотогъ торговли и тому подобное. Такія и подобныя поступки могу ъ считать удалствомъ, молодецтвомъ только люди невѣжественные и бѣ нравственные; *безумный смѣхомъ творитъ злая* (Прем. 10, 23), сказалъ премудрый Соломонъ. Такое поведеніе предосудительно для каждаго, а чѣмъ болѣе для носящаго военный мундиръ. Солдатъ, беспорядочный внѣ службы, не будетъ порядочнымъ и на службѣ. Всегда и вездѣ онъ долженъ памятовать о своемъ почетномъ и вы-

сокомъ званіи и соблюдать осторожность, чтобы неприличнымъ поступкомъ не запятнать свой мундиръ.

Затѣмъ молодые солдаты, конечно, сразу признаютъ преимущество старослужащихъ предъ ними, не только въ знаніи воинской службы, но и въ житейской опытности. Поэтому они легко будутъ увлекаться вашимъ примѣромъ. Не забывайте же, что они будутъ увлекаться всякимъ вашимъ примѣромъ—и въ добромъ и въ худомъ; будьте сами осторожны и внимательны, чтобы не послужить имъ въ чемъ либо соблазномъ. Какое великое зло составляетъ соблазнъ, можете видѣть изъ того, что Спаситель, при всей своей безпредѣльной благодати, произнесъ строгій судъ надъ тѣми, кто словомъ или примѣромъ соблазнилъ кого-либо изъ ближнихъ и заразилъ душу его грѣхомъ; *горе тому*, сказалъ Онъ; *лучше было бы такому человеку, если бы его съ камнемъ на шею бросили въ глубину морскую* (Мѡ. 18, 6). Сообразно съ этимъ велика и цѣнна предъ Богомъ услуга того, кто оберегаетъ другихъ отъ соблазна и нравственной порчи. А вамъ есть кого оберегать, и есть отъ чего охранять. Поступающіе къ вамъ новички—все люди молодые, не окрѣпшіе еще въ правилахъ доброй нравственности, жившіе до сихъ поръ въ своихъ семействахъ—подъ крыломъ родственной любви и заботы; большинство ихъ—изъ сельскаго быта,—дѣти природы, не вышедшіе еще изъ состоянія дѣтской простоты и чистоты сердечной; большинство ихъ ничему, кромѣ сельско-хозяйственныхъ занятій, не училось; многіе изъ нихъ находятся еще въ блаженномъ невѣдѣніи того, что развращенное сердце и злохудожный умъ изобрѣли на пагубу доброй нравственности. Поэтому, молю васъ, остерегайтесь подавать имъ худой примѣръ въ чемъ либо; охраняйте ихъ отъ соблазновъ городской жизни; не прокладывайте имъ пути къ притонамъ разврата и особенно берегите ихъ отъ пьянства, этого злѣйшаго губителя благосостоянія, здоровья и доброй нравственности. Убережете ихъ—благодѣяніе имъ окажете на всю жизнь; они вѣкъ вамъ будутъ благодарны и отцы матери ихъ въ слезныхъ молитвахъ своихъ будутъ призывать на васъ благословеніе Божіе.

Еще одно обстоятельство въ вашемъ не служебномъ быту требуетъ вашего вниманія. Есть одинъ порокъ весьма распространенный въ нашемъ народѣ,—это сквернословіе. Многіе научатся отъ взрослыхъ сквернословію еще въ раннемъ возрастѣ и потомъ привыкаютъ къ нему до того, что изрыгаютъ гнилыя слова постоянно, даже безъ всякаго повода, вызывающаго гнѣвъ, даже въ шутку въ видѣ ласки и любезности. Привычка развиваегь

у нихъ особую воспримчивость, по которой они легко запоминаютъ всевозможные дурные поговорки, присловья, пѣсни, соблазнительные рассказы, анекдоты. Всю эту мерзость они охотно передаютъ другимъ; находятъ въ этомъ особенное удовольствіе, считаютъ это удалствомъ. Посудите сами, какъ не прилично такое поведеніе и сколько зла дѣлаетъ такой человѣкъ своими гнилыми рѣчами. Въ словѣ Божіемъ говорится: *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Мѡ. 12, 34), т. е. чѣмъ полна душа человѣка, то онъ и въ рѣчахъ своихъ выражаетъ. Сердце сквернослова поэтому не представляетъ ли подобіе помойной ямы, изъ которой постоянно изливается смрадная, заразительная гниль. Сквернословіе его приходится слышать и людямъ чистымъ сердцемъ, не знакомымъ съ этимъ порокомъ и, что еще опаснѣе, дѣтямъ невиннымъ; оно, какъ ядовитое сѣмя, проникаетъ въ ихъ души, сквернитъ и заражаетъ ихъ. Прибавьте къ этому, что все соблазнительное имѣетъ особую силу закрѣпляться въ нашей памяти, такъ что его трудно вытѣснить оттуда,—и при доброй волѣ, и при искреннемъ желаніи не скоро забудешь слышанный или видѣнный соблазнъ. А если проникло въ душу это злое сѣмя, то и прозябнетъ, и процвѣтетъ и плодъ принесетъ; какой? конечно порочное сѣмя приноситъ плоды по роду своему. Вотъ почему Св. Ап. Павелъ властно и строго относительно этого поучаетъ христіанъ: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Ефес. 4, 29). Воздерживайтесь же и сами отъ всякаго сквернословія даже въ порывѣ гнѣва и, если въ комъ изъ молодыхъ солдатъ замѣтите эту дурную привычку, укажите такому, и старайтесь пристыдить его въ обществѣ товарищей. Тогда этотъ порокъ постепенно будетъ искореняться у васъ.

Наконецъ, для вновь поступающихъ на службу вы можете сдѣлать много добра, можете быть имъ полезны во многомъ сверхъ того, къ чему обязываютъ васъ правила и уставы воинской службы. Нужно только, чтобы вы относились къ нимъ сочувственно, т. е. такъ, чтобы они увидѣли въ васъ своихъ старшихъ братьевъ, сердечно расположенныхъ къ нимъ и всегда готовыхъ пріятельски помочь и послужить имъ во всѣхъ ихъ нуждахъ, во всѣхъ затрудненіяхъ ихъ новаго, непривычнаго положенія. Оторвавшись отъ родной семьи, удалившись отъ тѣхъ дорогихъ имъ лицъ, подъ руководствомъ которыхъ они привыкли быть съ малолѣтства, собранные здѣсь изъ разныхъ мѣстъ въ общество случайныхъ товарищей, еще пока чуждыхъ имъ, они весьма нуждаются въ вашемъ добромъ, участливомъ отношеніи къ нимъ. И за это они заплатятъ вамъ искреннею благодарностію, уваженіемъ и лю-

бовію, будутъ охотно слушаться васъ и легко переймутъ отъ васъ все, что касается служебныхъ обязанностей: между вами и ими установится та крѣпкая, внутренняя связь, которая и должна соединять русское христіанское воинство въ одну родственную семью, въ которой всѣ готовы дѣлить поровну труды и заботы, радости и невзгоды, другъ друга оберегая, другъ друга поддерживая по святой заповѣди Апостола: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ* (Галат. 6, 2).

Двиневаго крѣпостнаго собора Настоятель, Протоіерей **И. Заблоцкій.**

Р Ѣ Ч Ъ

предъ панихидою по воинамъ на брани убіеннымъ.

Молитвы о воинахъ, на брани убіенныхъ, благовременны, въ особенности теперь, въ годину тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ Небомъ нашему возлюбленному отечеству, когда тамъ на чужбинѣ далекой въ упорной войнѣ съ грознымъ врагомъ уже многія тысячи дорогихъ сыновъ Россіи сложили головы свои за Вѣру, Царя, за Русь святую. — Воздадимъ дань этимъ героямъ-страстотерпцамъ, дань нашей усердной молитвы о нихъ, да проститъ имъ Господь всѣ согрѣшенія ихъ вольныя и невольныя и упокоитъ души ихъ съ праведными во царствіи небесномъ; безпомощныхъ-же родителей ихъ, ихъ опечаленныхъ вдовъ и горькихъ сиротъ да утѣшитъ, призритъ и препиаетъ Всевышній Отецъ милосердный. Будемъ вѣрить, что эта молитва наша доставитъ небесную радость тѣмъ, чей мысленный взоръ въ смертный часъ ихъ славной боевой кончины все-же стремился къ милымъ и дорогимъ семьямъ, къ роднымъ краямъ, роднымъ могиламъ. — Будемъ, наконецъ, надѣяться, что въ странѣ, орошенной кровью и усѣянной костями русскихъ витязей, въ близкомъ—далекомъ-ли будущемъ возсіяетъ свѣтъ Христова ученія, понастроятся Божіи храмы и съ любовью и миромъ потечетъ нашъ православный людъ къ могильнымъ курганамъ, чтобы надъ прахомъ павшихъ въ бою вѣрныхъ воиновъ пролить горячую слезу свою, отдать имъ земной поклонъ и по христіански сказать: «вѣчная память имъ, царство имъ небесное». Аминь.

Священникъ **Е. Садовскій.**

Закладка военнаго храма во имя Вознесенія Господня при новыхъ казармахъ 45-го пѣх. Азовскаго полка въ г. Староконстантиновѣ, Волынск. губ., 29-го іюня 1904 г.

Ветеранъ Пегровскихъ временъ 45-й пѣх. Азовскій полкъ 29-го іюня текушаго года праздновалъ закладку своего храма, сооружаемаго инженернымъ вѣдомствомъ.

Стоя въ г. С-Константиновѣ уже болѣе 30 лѣтъ, Азовскій полкъ не имѣлъ своего храма. Для удовлетворенія религиозныхъ нуждъ полка сначала была отведена небольшая церковь во имя Успенія Божіей Матери, стоящая въ центрѣ города; но болѣе 10 лѣтъ назадъ епархіальное начальство обратило эту церковь въ приходскую, а для полка была отведена церковь во имя Св. Троицы, находящаяся въ древнемъ замкѣ князя Константина Острожскаго. Съ тѣхъ поръ и доселѣ «замковая» церковь и служить полковою.

Если успенская церковь, не отличаясь своей обширностію, не могла считаться удобною для полка, то свято-троицкая—тѣмъ болѣе. Кромѣ того, что она еще тѣснѣе первой,—въ ней можетъ помѣститься не больше 160—170 человекъ (и то съ трудомъ), замковая церковь, вслѣдствіе своей ветхости, зимою очень холодна¹⁾ и стоитъ за городомъ, какъ разъ въ противоположной отъ казармъ сторонѣ, находясь на разстояніи около 3 верстъ. Пройти 3 версты въ осеннюю и весеннюю грязь по г. С-Константинову и прилегающей къ нему со стороны казармъ дорогѣ, да еще вечеромъ, напр., послѣ всенощной, стоитъ не малыхъ трудовъ и хлопотъ. Удивительно ли послѣ этого, что не только горожане, а и гг. офицеры рѣдко ее посѣщали; она почти никогда не называлась «полковою» или «военною», а почти всегда—«замковою», по мѣсту своего нахождения, а иногда—просто «солдатскою», по главному, или даже почти исключительному контингенту молящихся.

Всѣ въ полку сознавали неудобства своего храма, но приходилось мириться съ ними: средствъ на устройство новаго—не было. Сколько времени Азовцамъ пришлось бы еще ждать своего храма, Богъ знаетъ, если бы Самъ Батюшка-Царь не пришелъ къ нимъ на помощь съ Своимъ истинно-христіанскимъ повелѣніемъ: устраивать православные храмы при всѣхъ воинскихъ частяхъ, гдѣ по штату положены причты.

¹⁾ Въ прошлую зиму температура въ церкви, бывало, спускалась до 3--2° и даже ниже 0° по Р.

Радостно, какъ мы знаемъ, встрѣчено было Азовцами это Высочайшее повелѣніе: теперь смѣло можно было надѣяться, что рано, или поздно и у нихъ будетъ свой храмъ. Начавшаяся война съ Японіей и послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе о пріостановленіи многихъ государственныхъ работъ, въ видахъ сокращенія расходовъ, встревожили Азовцевъ, но не надолго: къ счастью кредитъ на устройство церкви былъ открытъ еще въ 1903 году и работа не остановилась. Въ маѣ и первой половинѣ іюня на избранномъ мѣстѣ строительной комиссіей вблизи казармъ были произведены земляныя и различныя подготовительныя работы, а на 24-е іюня, съ разрѣшенія О. Протопресвитера военного и морского духовенства А. А. Желобовскаго и съ благословенія Волынскаго Епископа, Преосвященнѣйшаго Антонія, была назначена закладка храма, отложенная потомъ до 29-го того же мѣсяца. Къ сожалѣнію, событіе это не могло быть справлено такъ торжественно, какъ бы хотѣлось, такъ-какъ полкъ стоялъ въ лагерахъ при м. Меджибижкѣ, Подол. губ., въ 40 верстахъ отъ г. С-Константинова, но всетаки безслѣдно оно не прошло.

Съ вечера 28-го іюня въ замковой церкви было отслужено всенощное бдѣніе, а 29-го іюня въ 9 час. утра литургія, къ началу которой прибыли пріѣхавшіе изъ Меджибожскаго лагеря: командиръ полка, полковникъ И. О. Гойловичъ и другіе гг. офицеры, которымъ отлучка была разрѣшена. По окончаніи литургіи въ 11 час. утра, къ мѣсту закладки изъ церкви отправился крестный ходъ съ вынесеніемъ особо чтимыхъ въ полку образовъ¹⁾.

Величественная процессія крестнаго хода—они здѣсь большая рѣдкость—сопровождаемого стройнымъ пѣніемъ полкового хора пѣвчихъ стихиръ въ честь Вознесенія Господня и молитвы за Царя и Отечество и торжественно-умилительными звуками гимна «Коль славень», исполняемого полковымъ хоромъ музыки, колокольный звонъ съ стоящихъ на пути процессіи церквей, приходской успенской и кладбищенской скорбященской, привлекли массу не только праздничнаго христіанскаго люда, православныхъ и католиковъ, но даже и любопытствующихъ евреевъ. Не мало, величію нашей процессіи содѣйствовалъ и тотъ фактъ, что обычно грязныя улицы города, благодаря стоявшимъ ранѣ жаркимъ днямъ, высохли, а появляющаяся въ

¹⁾ Въ числѣ ихъ, кромѣ полкового образа въ честь Вознесенія Господня, обращаетъ на себя вниманіе древній (болѣе 150 лѣтъ) фамильный образъ Почаевской Божіей Матери въ сребропозлаченной ризѣ, осыпанной множествомъ жемчуга и бирюзы, пожертвованный полку въ благословеніе въ 1899 году бывшимъ священникомъ полка, іереемъ-севастопольцемъ, протоіереемъ Даміаномъ Борщомъ.

такихъ случаяхъ невѣроятная—даже при легкомъ движеніи—пыль была смочена прошедшимъ съ утра небольшимъ дождемъ. Сама природа была за насъ и усугубляла наше торжество!

Незамѣтно прошли три версты и къ 12 часамъ были уже на мѣстѣ. Предъ началомъ молебствія, положеннаго на основаніе церкви, полковымъ священникомъ было сказано приличествующее случаю слово, а затѣмъ, по прочтеніи установленной, выгравированной на мѣдной доскѣ, надписи, совершена и самая закладка. Первый, освященный чрезъ окропленіе св. водою и изліяніе св. елѣя, камень былъ положенъ священникомъ, а потомъ продолжали кладку начальствующія лица полка, строительной комиссіи и моляшіеся. Въ заключеніе, по прочтеніи съ колѣнопреклоненіемъ предъ во-друженнымъ на мѣстѣ престола крестомъ положенной молитвы, было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Государю Наслѣднику и всему Царствующему Дому, Св. Правительствующему Синоду, мѣстному Епископу Антонію, О. Протопресвитеру А. А. Желобовскому, Христолюбивому воинству, строителямъ и благотворителямъ храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Затѣмъ крестный ходъ, сопровождаемый священникомъ, пѣвчими и массою богомольцевъ вернулся въ церковь.

Торжество закладки закончилось парадомъ командированной отъ полка роты, причѣмъ возглашенное командиромъ полка «ура» въ честь Его Величества, Государя Императора, по волѣ Котораго при всѣхъ военныхъ казармахъ строятся теперь обширные храмы, гдѣ всякій вѣрующій въ молитвѣ къ Богу облегчаетъ свою наболѣвшую душу, было встрѣчено восторженно не солдатами только, а и всѣми присутствующими; хоръ музыки въ это время исполнилъ народный гимнъ.

Такъ съ Божіей помощью скромно и вполне благоговѣйно совершилось наше торжество. Надѣмся, что съ Божіей помощью, при дѣятельномъ участіи чиновъ полка и строительной комиссіи, устройство храма пойдетъ быстро и Азсвцы скоро дождутся другого, еще болѣе свѣтлаго торжества, освященія его. Помоги, Господи!...

Священникъ Геннадій **Васторскій**.

Какъ Псковскій кадетскій корпусъ въ текущемъ году провелъ Дмитріевскую субботу.

23-го октября въ Дмитріевскую субботу классныя занятія въ Псковскомъ кадетскомъ корпусѣ окончились въ 1 час. дня. Въ 1 час. 15 мин. въ одной изъ залъ были собраны кадеты 2-хъ младшихъ ротъ, которымъ діаконъ корпуса Белавинъ въ краткихъ словахъ выяснилъ происхожденіе названія Дмитріевской субботы и причины установленія поминовенія православныхъ воиновъ, павшихъ на Куликовомъ полѣ 8-го сентября 1380 г. Далѣе ссылками на Св. Писаніе и ученіе отцевъ церкви было выяснено значеніе церковнаго поминовенія вообще и воиновъ въ особенности въ назиданіе кадетамъ, какъ готовящимся къ военной службѣ; при чемъ всѣ павшіе за Вѣру, Царя и Отечество воины названы учителями ихъ не только по слову, но по самому дѣлу, какъ явившіе собою примѣръ для подражанія: «полагать души своя за други своя». (Іоан. 16 гл., ст. 13).

Въ заключеніе было сдѣлано обращеніе воздать всѣмъ на брани убиенымъ не лавровыми вѣнками и земными наградами, въ которыхъ они не нуждаются, а по приѣзду великаго князя Дмитрія Донского—слезною, горячею о нихъ молитвою.

Послѣ этого состоялось сообщеніе преподавателя исторіи ст. сов. Львинскаго для кадетъ 2-хъ старшихъ ротъ. Упомянувъ вкратцѣ о вѣрованіи въ загробную жизнь у всѣхъ арійскихъ народовъ, объ обычаяхъ поминовенія усопшихъ со временъ апостольскихъ и объ установленіи поминовенія въ Дмитріевскую субботу,—въ мастерски составленной и выразительной рѣчи Л. М. Львовскій сдѣлалъ очеркъ Куликовской, Полтавской и Бородинской битвъ.

Съ первыхъ же своихъ словъ, овладѣвъ всецѣло вниманіемъ юныхъ слушателей, искусный лекторъ направилъ его на ясное и полное уразумѣніе ими національнаго и патріотическаго характера приведенныхъ имъ войнъ, веденныхъ подъ руководствомъ Державныхъ Вождей Россіи, когда правительство и всѣ классы общества жили одною мыслью—необходимости борьбы съ врагомъ, не съ цѣлью завоеваній, а за свою самобытность.

Послѣ сообщенія всѣ 4 роты кадетъ и служащіе собрались въ корпусную церковь, гдѣ была отслужена панихида по убитымъ воинамъ. При этомъ были упомянуты имена, бывшихъ питомцевъ корпуса, павшихъ въ настоящую войну.

По имѣющимъ свѣдѣніямъ подлежатъ занесенію на черную мраморную доску въ церкви: штабсъ-капитанъ 33-го пѣх. Елецкаго полка Лундъ, выпуска 1891 года, поручикъ 9-й артиллер. бригады Лещинскій, выпуска 1899 г., подпоручикъ 85-го пѣх. Выборгскаго полка Румянцевъ, выпуска 1901 г. и бывший воспитанникъ Псковской военной прогимназіи капитанъ 216-го пѣх. Инсарскаго полка Михѣевъ. Кромѣ того, въ бывшую китайскую войну были убиты: командиръ 6-й горной восточно-сибирской батареи подполковникъ Постниковъ, выпуска 1884 г. и сотникъ Амурскаго полка Рѣзуновъ, выпуска 1893 г.

День спустя, въ воскресенье, Псковскій корпусъ былъ глубоко опечаленъ горестнымъ извѣстіемъ о смерти выбывшаго изъ строя 26-го сентября, въ отрядѣ генерала Ренненкампфа, въ славномъ дѣлѣ 6-й батареи 26-й артиллерійской бригады, бывшего своего питомца подпоручика Шпигель, сына командира 2 й роты корпуса. ¹⁾

Сестра милосердія.

Объять военною грозою
Востокъ... Тревожная пора!...

И вотъ, стоишь ты предо мною

Опять, подвижница-сестра.

Я вижу вновь твой образъ блѣдный

И красный крестъ твой на груди...

Тебя ждетъ вновь страдалецъ бѣдный,

Иди къ нему, скорѣй иди!...

И ты идешь... Любви зарница

Въ твоихъ глазахъ опять блеститъ,

Солдата тихій стонъ «сестрица!»

Опять въ ушахъ твоихъ звучитъ.

О немъ одномъ твои заботы,

Твоя сердечная тоска...

¹⁾ «Русскій Инвалидъ», № 286, 1904 г.

Въ умѣ Балканскія высоты
Встаютъ, долины Рущука. .
Тогда себя ты показала
Въ огнѣ, въ дыму военныхъ грозъ,
И сколько ранъ уврачевала,
И осушила сколько слезъ!...

* * *

Война утихла за Дунаемъ,
И мира свѣтлая заря
Блеснула вновь надъ нашимъ краемъ,
Надеждой сладкою горя...
Пришли войска въ свои станицы,
И не одинъ прошелъ рассказъ
О славныхъ подвигахъ «сестрицы»,
О кроткой ласкѣ въ горькій часъ.
Отдавъ великій долгъ отчизнѣ,
Домой вернулась ты опять,
Сумѣвъ вернуть страдальцевъ къ жизни,
У грозной смерти отстоять.

* * *

Но вновь звучитъ призывъ съ Востока,
Вновь славный подвигъ ждетъ тебя,
И снова, вѣруя глубоко,
Спѣшишь ты, ближняго любя...
Въ груди опять проснулась сила,
И безъ раздумья, какъ тогда,
Ты мирной кровью опять смѣнила
На дни лишеній и труда.
А тамъ, въ далекомъ лазаретѣ,
Полусознательно, въ бреду,
Тебя зовутъ они, какъ дѣти,
И слышать голосъ твой: «иду!»
Пошли тебѣ Господь терпѣнья
И силы тяжкій крестъ нести!...
Пусть ждутъ тебя одни лишенья,

Тревоги, бури на пути,—
 Но черезъ все пройдешь ты смѣло,
 Все побѣдить твоя любовь,
 И ты свершишь святое дѣло,
 Гдѣ ближнихъ братьевъ льется кровь.
 Востокъ горить... Зловѣще пламя!...
 Пришла тревожная пора...
 И высоко ты держишь знамя
 Опять, подвижница-сестра!...¹⁾

Р. М.

Адмиралъ и матросъ.

(Разсказъ очевидца).

Пыхтя и громыхая, медленно подошелъ поѣздъ къ дебаркадеру Ярославскаго вокзала въ Москвѣ. Зашумѣла толпа. Глухой порывистый шопоть волной пошелъ по платформѣ. Засуетились жандармы, сдерживая напоръ любопытныхъ.

Остановился поѣздъ. Насторожился фотографъ, нацѣливая объективъ на дверь послѣдняго вагона, откуда долженъ былъ выйти адмиралъ Н. И. Скрыдловъ. Адмиралъ возвращался изъ Троицкой Лавры.

Народу на платформѣ столпилось видимо-невидимо. И простые, и интеллигентные сплотились въ одну массу. Около меня стоялъ какой-то матросикъ. Блѣдный, нервный, онъ передергивался весь, волновался чему-то. Въ рукахъ его бѣлѣла какая то бумага. Онъ судорожно прижималъ ее къ груди, вытягивалъ голову вверхъ и топтался на мѣстѣ. Невольно онъ обратилъ на себя вниманіе не только публики, но и жандармовъ. Не прошло мгновенія, какъ около него стоялъ вахмистръ. Матросикъ вытянулся въ струнку.

— Ты что? — подозрительно спросилъ его вахмистръ, пронизывая его пытливымъ взглядомъ съ головы до ногъ. Матросикъ задрожалъ.

¹⁾ «Коричій», № 22, 1901 г.

— Я... я...

— Что ты? Какая у тебя бумага?

Поблѣднѣвъ еще больше, матросикъ протянулъ вахмистру бумагу. Вахмистръ быстро просмотрѣлъ ее. По мѣрѣ чтенія, лицо его изъ суроваго дѣлалось все добрѣе, радостнѣе. Уже улыбаясь, онъ протянулъ матросику бумагу и покачалъ головой.

— Ну, ну... Черноморецъ?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— Да, онъ, небось, и читать не станетъ... Передай адъютанту лучше...

Матросъ настаивалъ на своемъ. Поговоривъ еще немного, вахмистръ отошелъ въ сторону.

Между тѣмъ вниманіе публики всецѣло обратилось къ поѣзду. Сейчасъ долженъ появиться адмиралъ. Глаза всѣхъ приковались къ одному мѣсту.

— Онъ! Онъ!...—вдругъ загудѣла толпа.

И правда, опережая сквозь толпу шелъ вице-адмиралъ Н. И. Скрыдловъ. Словно пораженная чѣмъ-то, толпа безмолвствовала. Подъемъ духа словно смутилъ всѣхъ. Плотная, мощная фигура адмирала, казалось, выросла во что-то грандіозное, стихійное.

Въ эту минуту произошло что то неожиданное. Толпа какъ-то ахнула и осѣклась.

Стоявшій рядомъ со мною матросъ, прорывая толпу, махая прошеніемъ, выскочилъ наружу.

Вице-адмиралъ остановился. Остановились и всѣ.

— Ваше... ваше... превосходительство... ваше... пре...

Слова матроса безсвязно сыпались съ губъ. Маленькая коренастая фигурка какъ-то сморщилась, уменьшилась, сократилась.

Адмиралъ смотрѣлъ на него въ упоръ.

— О чемъ просишь?

Матросикъ молчалъ.

Наступило какое-то тревожное и напряженное гостояніе. Толпа, заглупотизованная сценой, словно замерла. Слышно было, какъ муха пролетитъ. Пожавъ плечами, Н. И. Скрыдловъ взялъ изъ рукъ матроса прошеніе.

Матросикъ, полумертвый отъ страха, съ горящими надеждой глазами смстрѣлъ на адмирала.

Прошла минута. Адмиралъ все читалъ. Настроеніе было подавляющее. Вотъ-вотъ, думалось, лопнетъ что-то, загремитъ, разорвется, какъ граната.

Адмиралъ поднялъ голову. Гордо поднялъ. Въ нихъ виднѣлась гордость русскаго адмирала за русскаго матроса.

— Добровольецъ? Добровольцемъ хочешь во флотъ?!—ласковымъ, кроткимъ голосомъ заговорилъ Н. И. Скрыдловъ. Чарующе прозвучали слова его.

Но тутъ что-то случилось.

Плача, какъ-то странно, истерично вскидывая руками, матросикъ упалъ на колѣни.

— Ваше превосходительство... Ваше...

— Встань!

— Ва... Ваше...

— Встань, говорю...— Голосъ адмирала-человѣка заставилъ матросика подняться съ колѣнъ.

— Царю Батюшкѣ послужить хочу. На войну...

Лицо матроса было неузнаваемо. Глаза горѣли. Руки словно окрѣпли, сдѣлались стальными. Любовался на него адмиралъ.

— Я сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Не успѣлъ матросикъ опомниться, какъ адмиралъ склонился къ нему и поцѣловалъ его въ щеку.

— Спасибо!

— Ваше... Пре...

— Спасибо! Говорю, спасибо...

— Не забудьте...

— Я никогда ничего не забываю...

Матросикъ стоялъ ошеломленный. Безмолвной стояла толпа. Неизгладимое впечатлѣніе произвела на всѣхъ эта сцена.

Черезъ минуту адмиралъ уже съ прошеньемъ въ карманѣ сидѣлъ въ коляскѣ

Тутъ только и опомнилась толпа.

Громовое и раскатистое *ура* пронеслось въ воздухѣ. Всѣ бросились къ коляскѣ.

— *Урра! Урра!*

Великій адмиралъ! да хранить тебя Богъ. Съ такимъ славнымъ отношеніемъ къ маленькому человѣку—это залогъ будущаго успѣха, будущаго ликованья и побѣды. ¹⁾

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ¹⁾).

(Отрывокъ изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 года).

Въ селѣ Прутинѣ, Н—скаго уѣзда, только что кончилась обѣдня. Но что за диво? Откуда столько народу въ обыкновенный воскресный день?... Никогда не бывало столько богомольцевъ; развѣ въ свѣтлый день, да въ день Преображенья, храмовой праздникъ села Прутина. И лица у всѣхъ такіа праздничныя.

Правда, былъ радостный день для Прутинскихъ прихожанъ, узнавшихъ въ церкви о заключеніи мира съ Турціей. ²⁾

Безпокойство для многихъ усиливалось тѣмъ, что на полѣ военныхъ дѣйствій были ихъ родные Ванюшки, Гришеньки и Максимушки. «Какъ-то ихъ сохранить Господь отъ вражеской пули? А, вѣдь, турки, знамо,—какой народъ?» рассказывалъ старый Пахомычъ, что (который) въ Севастопольщину ихъ видѣлъ, что это за люди. И ему, родимому, ногу, какъ есть по самое колѣно, отхватили; и по сей часъ деревяшка замѣсто одной ноги.

Такія рѣчи вела старуха Перфильевна, плетясь за другими однодеревенцами въ свою деревню Крюково... Ея печальное лицо нарушало общую картину веселаго, радостнаго настроенія. «Да какъ же ей веселой-то быть: у ней тамъ, въ Туретчинѣ, ея ненаглядный, родимый сынокъ Ванюшка. Давно, давно (ужъ почитай съ годъ будетъ), какъ нѣтъ отъ него ни единой вѣсточки...

И не одинъ разъ горько заливалась слезами Перфильевна передъ иконой Царицы Небесной, молясь за своего Ванюшку, чтобъ Богъ помогъ ему одолѣть врага-супостата. И легче, помнитъ она, всегда ей бывало послѣ молитвы... Да ужъ больно (очень) отчаянный-то онъ у меня», закрадывалось сомнѣніе: «вѣдь бывало какъ пожаръ прилучится гдѣ, такъ прямо въ огонь и лѣзеть... Не сносить ему и тамъ своей буйной головушки»... И опять заливалась горячими слезами Перфильевна...

¹⁾ Факты заимствованы изъ «Записокъ» участника въ войнѣ 1877—78 года А. Н. Иванова, нынѣ командира 7-го драгунскаго Новороссійскаго полка.

²⁾ Слухи о мирѣ съ Турціей носились давно, а потому каждую службу собирався въ храмъ весь приходъ, близко принимающій къ сердцу общее дѣло. «Ужъ ежели что есть, батюшка безпремѣнно объявить; кому-жъ и знать, какъ не ему?» думали крестьяне.

«Экая безголковая старуха!» урезонивалъ ее мужъ, старикъ Прохоръ. «Да развѣ можно ревѣть, когда, значить, нашъ Иванъ за правое дѣло стоитъ, — на защиту Отечества и за Вѣру Православную супротивъ нехристей пошелъ».

«Да по тебѣ хоть убей нехристь нашего Ванюшку, такъ ты и слова пожалуй не скажешь, ровно и не сынъ онъ тебѣ. Самъ-то ты хуже турки!» сердилась Перфильевна.

«А и впрямь такъ, — слова не скажу, а только перекрещусь: царство, молю, небесное! Привелъ Господь вѣнецъ нетлѣнный получить, и за насъ грѣшныхъ, молитвенникомъ быть».

«У, нескладный! Ровно и вправду хоронить собрался... Да можетъ Ванюшка-то придетъ не токмо-что живехонекъ-здоровехонекъ, а даже и съ отличіемъ»...

«Сама-то ты нескладная. Развѣ отъ слова, къ примѣру скажемъ, что станется?»...

«Ну, съ тобой развѣ сговоришь!»...

«Да нешто, къ примѣру скажемъ, одинъ твой сынъ что-ль на войнѣ-то? Да другіе-то не люди чтоль? Да не токмо-что простого званія, а и дворянскаго сословія. Вонъ нашей барыни Ивапцевской, Вѣры Александровны, сынокъ тожъ пошелъ въ Туретчину-то. Офицеръ, да и то же вѣтъ Царю-то обязанъ служить; свою должность справляетъ, идетъ со всѣмъ престонародьемъ... Сама мать, Вѣра-то Александровна, ѣздила къ нему поблагословить его на святое дѣло... Право, неразумная женщина!... Лучше-бъ Богу молилась, какъ Вѣра Александровна: каждую службу ѣздитъ въ церковь то. И какъ молится, Боже жъ ты мой!... Вотъ ужъ вѣрно Господь сохранить барина то молодого, потому материнская молитва доходна до Бога»...

«Ты, Степанычъ, напраслину на меня взводишь» — смягчилась Перфильевна. «Вѣдь и я барыню-то нашу въ церкви выдаю, потому тожъ почти всегда въ храмъ Божій за Ванюшкино здоровье молиться хожу».

«Эго такъ, это хорошо. А только ропоту не должно быть, сынъ, святое дѣло справляетъ; а то и молитву твою Господь не приметъ... А ты, какъ и Вѣра Александровна, безъ ропоту, значить, съ покорностью и упованьемъ на волю Божью».

«Ну, быть по твоему, Степанычъ... Авось, Господь милостивъ, Ванюшка то нашъ и живъ», перекрестилась она. «Вѣдь вотъ и замиренье ужъ было. Може и дождусь своего соколика; на все Господня воля, знамо...»

И батюшка насъ завсегда такъ поучаетъ. А ужъ кому, какъ не ему, знать, что лучше: перво—что ученый человѣкъ; да и у престола Божія завсегда, близокъ къ Богу. Ему извѣстиѣе, чему должно быть»...

Всѣ эти разговоры вела Перфильевна по дорогѣ изъ церкви... Въ деревню не такъ-то скоро приходятъ начальственныя распоряженія и всякаго рода извѣстія; а потому не было ничего удивительнаго въ томъ, что и сынъ Перфильевны, Иванъ Голубевъ, безъ всякаго увѣдомленія явился въ деревню, живъ и здоровъ, и даже съ бѣленькимъ (Георгиевскимъ) крестикомъ на груди и медалью за войну.

«Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Милостивому!» широко перекрестился три раза Прохоръ, издали завидя подходящаго сына... Не сдержалъ старикъ подступавшихъ къ горлу слезъ радости; обнимая сына, расплакался, какъ ребенокъ...

«Ванюшка!?» обомлѣла Перфильевна. «Да никакъ это ты?» развела она руками, какъ бы не довѣряя своимъ глазамъ...

«Я, матушка, какъ есть; онъ самый»... растерянно повторялъ Голубевъ, не зная, на радости что и сказать.

«Все-ли по хорошему, родной мой?» опомнился Прохоръ. «Да что я, старый дуракъ, спрашиваю-то?» перебилъ онъ самъ себя. «Вѣстимо, слава Богу, коли живъ и здоровъ; чего-жъ больше и нужно намъ?... Слава Тебѣ Создателю!» еще разъ перекрестился онъ.

«Все какъ есть, въ порядкѣ, въ вашемъ виду», повторялъ Голубевъ.

«Голубь ты мой, сизокрылый! Орелъ-то ты мой быстролетный, соколь-то ты мой ясный! Дождалась-то я тебя, старуха, прижать-то тебя, родимаго, къ своей материнской груди»...

Дѣло было подъ вечеръ, пора было отдохнуть и всѣмъ. И хотя любопытныхъ около Прохоровой избы собралось не мало, однако Прохоръ, оберегая покой сына, не допускалъ въ хату никого изъ односельчанъ.

Не богата хата Прохора; да любовью отцовской согрѣта, лаской материнской покрыта... И нашъ герой сладко отдыхалъ подъ тихій говоръ семьи...

«Черкесь! Держись ребята!» вдругъ неистовымъ голосомъ крикнулъ впросонкахъ Голубевъ.

«Съ нами крестная сила!» испугалась, перекрестившись, мать... «Гдѣ-жъ это онъ, этотъ самый черкесь-то?... Это Ванюшка, знать, бредитъ все сраженьями; напугалъ до смерти».

На другой день съ раннего утра сосѣди опять стали осаждать хату Прохора:

«Уважь, дядюшка Прохоръ, заставь сына-то рассказать про войну-то эту самую; ужь очень занятно, говорятъ».

Мальчишки-подростки тутъ-же толпились съ сіяющими отъ любопытства глазами...

Жизнь среди дремучихъ лѣсовъ, постоянная борьба съ сосѣдними племенами и дикими звѣрями поддерживали и развивали духъ смѣлости, предприимчивости и находчивости въ русскомъ народѣ.

Охота, войны (а если ихъ не было, то кулачные бои) всегда были самымъ большимъ удовольствіемъ для нашихъ предковъ.

Этотъ духъ остался особенно замѣтнымъ среди обитателей сѣверной и средней части Россіи.

И книжку любить русскій народъ или «божественную», или «военную». Вкусъ этотъ давно всѣмъ извѣстенъ: на ярмаркахъ, у букинистовъ (продавцовъ книжекъ) самый большой спросъ на такія книжки.

Какъ быстро раскупаются, даже по повышенной цѣнѣ, книжки «о Саровскомъ подвижникѣ старцѣ Серафимѣ», точно также, въ недавнюю войну съ Китаемъ, на всѣхъ прекресткахъ городскихъ улицъ приходилось каждодневно слышать чтеніе газетныхъ сообщений о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ; а книжки «Взятіе Пекина», «Удаль казака въ войнѣ съ Китайцами», «Русскіе въ Китаѣ» и другія нарасхватъ раскупались въ лавкахъ.

Вотъ почему и для старыхъ и для малыхъ былъ интересенъ рассказъ очевидца о войнѣ съ турками.

Къ вечеру Крюковскій «герой» Голубевъ сдался на усердныя просьбы земляковъ.

«Не скоро, по объявленіи войны, нашъ полкъ двинули въ туретчину», началъ онъ. «Правда, сначала екнуло у всѣхъ сердце, какъ объявили войну. «Что-то будетъ?» думалъ каждый. «Вернешься-ли назадъ?» Ну а потомъ ужь и скучать, и досадовать стали; особливо когда гг. офицеры начнутъ рассказывать при насъ, какъ тамъ и что: такіе-то пошли, и такіе-то, а мы все сидимъ»...

«Наконецъ пришелъ и нашъ чередъ, и намъ нужно было снаряжаться; сказали намъ о томъ»...

«А что, Иванъ Прохорычъ, небось опять стукнуло сердчишко-то?» прервалъ рассказъ одинъ изъ слушателей.

«Екнуло!»... пренебрежительно покосился на него Голубевъ. «Екнуло, да не отъ страху, а отъ радости, что и мы не обсѣвки въ полѣ. Вѣдь всякому тожъ, самому послѣднему солдату, лестно, когда его горожане то «героемъ» загодя величаютъ, да потчуютъ чѣмъ хочешь; потому всякій понимаетъ, что за нихъ идемъ».

«А ужъ и провожали-же насъ!»... началъ онъ помолчавъ. «Господи ты Боже мой! Даже совѣстно было. Какой нибудь купецъ-богачей, который раньше на тебя и глядѣть-то не хотѣлъ, съ тобой какъ съ равнымъ толкуеть, цѣлуется, и всякой всячиной тебя надѣляетъ на походъ. Ну а про гг. офицеровъ ужъ и говорить нечего,—тѣмъ, извѣстно, почетъ втрое противъ насъ».

«Отслужилъ нашъ батюшка молебень, горожане икону и хлѣбъ-соль преподнесли, говорили тамъ что-то много (намъ не слышно было), все, знать, насъ хвалили; все честь-честью справили, и засѣли мы на чугунку».

«И вездѣ-то, вездѣ-то, на каждой станціи, гдѣ подольше стоять, насъ все угощали! Сначала-то совѣстно было, а потомъ и привыкли,—думаемъ, должно быть такъ и нужно».

«Вѣстимо!» поддакнули слушатели.

«А вотъ, ребяташки, гдѣ жутко-то подошло», тяжело вздохнувъ, продолжалъ Голубевъ, «это какъ границу переѣхали, да спустились на чужую землю... «Что-то будетъ?» думалъ каждый. «Можетъ придется голову положить на чужбинѣ-то». И каждый взялъ себѣ въ тряпочку родной земли. И гг. офицеры за нами (самимъ-то сначала въ голову не пришло) въ узелочекъ въ платочекъ завязали. И какъ-то, — вотъ и посейчасъ помню, спокойнѣй на душѣ стало. И зарокъ другъ дружкѣ дали, чтобъ «въ случаѣ чего» родной земли въ могилу бросить. А землю въ тряпочкѣ на крестъ каждый себѣ повѣсилъ».

«Да, оно дѣйствительно», сказалъ задумчиво одинъ изъ стариковъ: «родная земля—все равно что материнское благословенье... Ну, Иванушка, продолжай, продолжай, родной, про наши подвиги-то, — какъ турокъ-то, значить, били».

«Ну до этого-то не скоро мы дошли, дѣдушка Ларіонъ Прокофьевичъ. Другіе-то оно, конечно, били; а мы больше того гнали ихъ, а они бѣжали

отъ насъ, потому такого страху нагнали на нихъ—какъ взяли наши Плевну ихнюю крѣпость».

«Гдѣ-жъ супротивъ нашихъ», самоувѣренно дополнилъ одинъ изъ слушателей съ гордостью. «Далеко!»

«А вотъ Дунай переходили, такъ это было вродѣ какъ бы перехода на чужую землю. Напередъ всѣхъ шелъ нашъ батюшка о. Семень. А въ рукахъ держалъ икону Печерскія Божіей Матери (говорили, что эту икону далъ самъ архіерей начальнику дивизіи въ благословенья)¹⁾. И каждый, какъ перешелъ мостъ, прикладывался къ этой иконѣ. А у батюшки-то слезы-то, слезы-то такъ и текутъ... И жалко то ему, видно, насъ; и умиленно, какъ мы съ полной, значить, вѣрой и охотой идемъ на врага за правду».

«Да, оно дѣйствительно, вѣра, значить, я говорю, вѣра въ Бога... прервалъ одинъ молчаливый всегда мужичокъ. «Вѣра, значить того, должна быть»...

«Ну и смѣлость тоже дѣло не малое», замѣтилъ молодой парень.

«Нѣтъ, того... вѣра, значить, больше того. . не говори этого», не соглашался тотъ... «Молодъ ты... того, еще такъ говорить».

Парень сконфузился и замолчалъ.

«Да», подтвердилъ и Голубевъ, «кто на войнѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился», есть поговорка. Вѣдь вотъ живемъ въ покоѣ, такъ и къ молитвѣ нѣтъ настоящаго прилежанья. А тамъ... тамъ, братъ, постоянно Бога-то и вспоминаешь, когда каждую минуту у тебя смерть то, почитай (почти-что), за плечами...

«Скоро намъ вышелъ приказъ переходить черезъ Балканскія горы. Былъ слухъ-то и раньше объ этомъ, да никто не вѣрилъ. Слышали, какъ гг. офицеры промежъ себя объ этомъ говорили: «— гдѣ-жъ кавалеріи перейти? — невозможное дѣло». — «Невозможно у человѣкъ, возможно у Бога: съ Божьей помощью все можно преодолѣть», вставилъ отъ себя еще тогда нашъ полковой батюшка отецъ Семень.

«А если прикажутъ?» прибавилъ одинъ изъ офицеровъ.

«Прикажутъ, такъ перейдемъ!» крикнули всѣ почти въ одинъ голосъ.

¹⁾ Икона эта, которою благословилъ въ лицѣ начальника дивизіи преосвященный Филосей 1-го кав. дивизію въ походъ, хранится въ церкви 2-го драг. СПБ. полка.

«Разговоръ этотъ такъ подбодрилъ всѣхъ, что и впрямь ужъ на все были готовы».

«И дѣйствительно, «приказали»...»

«Приказъ о переходѣ чрезъ Балканы засталъ насъ 24-го декабря, въ канунъ Рождества. Передъ тѣмъ отслужили всенощную, а вмѣсто благословенныхъ хлѣбцевъ положены были 5 сухарей изъ хлѣба родной земли. И такъ-то всѣ горячо молились, окруживши маленькій столикъ, на которомъ лежали крестъ и евангеліе, вспоминая своихъ родныхъ; и офицеры и мы,—больше все на колѣнкахъ, даромъ что на снѣгу... А на небѣ-то звѣздочки сіяютъ, ровно на тебя смотрятъ!... Такъ умилительно, что, правдо, послѣ молитвы хоть и умирать не боязно было».

«Ну, а какъ эти самые Балканы будутъ, много выше нашей Вишневской горы?» спросилъ кто-то.

«Хватилъ!... Въ тысячу разъ выше! А ужъ сколь круты-то, и сказать невозможно! Какъ переходили ихъ, — и тогда, и посейчасъ, хорошо не помню. Одно скажу,—какъ цѣлы только остались, одинъ Господь вѣдаетъ: Онъ, Милостивый, сохранилъ насъ».

«Мокрые отъ тяжелой снѣжной дороги, уставшіе отъ непомерной тяготы, мы сами дрожали какъ въ лихорадкѣ; а рубахи-то какъ коломъ на всѣхъ свело отъ мороза. А дорога-то?... Разъ шагнешь, да духъ переведешь. А тутъ еще конь брыкается, хоть тяни его на себѣ, когда и самому-то не въ моготу. Да и темъ почти непроглядная, невѣдомо куда идешь... А спускъ-то крутой!... Жутко даже вспомнить и теперь!... А гг. офицеры, изнѣженный народъ-то,—не то что мы,—а тожъ не только тянулись сами, а и насъ еще подбодрили разными шутками».

«Небось никогда въ крахмальныхъ рубашкахъ, ребята, не ходили?» — говорилъ нашъ эскадронный. «Вотъ теперь и вы пощеголяете!»

«Такъ точно!» прозвучалъ дружный отвѣтъ довольныхъ шуткой солдатиковъ. А у насъ и вѣрно—мокрыя рубахи отъ морозу совсѣмъ какъ накрахмаленныя стали, жесткія».

«Вотъ зимой, говорятъ, нельзя купаться, а мы имѣемъ это удовольствіе», прибавлялъ другой, намекая на потъ и снѣжныя сугробы.

«Какъ есть», отвѣчали мы: «снѣгъ—та же вода, а потъ отъ себя».

«И на насъ, сейчасъ помню, хорошо дѣйствовало то, что наши старшіе не унывають; значитъ, думаемъ, дѣло еще не плохо, коли шутки пу-

скаютъ... А все-таки досталось намъ порядкомъ!... Ужъ одно то, что 16 верстъ мы шли больше сутокъ,—скорѣй пельза было двигаться».

«За то и хвалили насъ послѣ въ приказѣ: писали, что «кавалеріи никакъ невозможно было перейти черезъ Балканы, а мы прошли». Вотъ что значить Божья-то помощь!... Правду говорилъ нашъ батюшка о. Семень»...

(Продолженіе впредъ).

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БОЕВОГО ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія участниковъ Туркестанскихъ походовъ).

(Продолженіе).

VI.

Джизакскій зимній походъ 1866 года.

Наступилъ богатый событіями въ Средней Азіи 1866 годъ. Зима въ тотъ стояла необычайно суровая; въ степи за рѣкой Дарьей бушевали бураны; трещали морозы, доходившіе до 20°; снѣгъ былъ такъ глубокъ, что слой его даже на открытыхъ мѣстахъ достигалъ полуаршинной толщины.

Чтобы побудить Бухарскаго эмира отпустить нашего уполномоченнаго полковника Глуховскаго, посланнаго въ Бухару для переговоровъ, генераль М. Г. Черняевъ собралъ у чиназской переправы черезъ Дарью довольно значительный отрядъ, который и рѣшено было двинуть для взятія крѣпости Джизака.

Въ составъ этого отряда вошли слѣдующія части войскъ: 1 Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, по три роты отъ 3 и 4 и по двѣ роты отъ 6 и 7 линейныхъ баталіононъ, шестнадцать орудій и шесть сотенъ казаковъ съ инженернымъ и артиллерійскимъ парками и съ запасомъ продовольствія на одинъ мѣсяць.

У Чиназа нашъ отрядъ застigli сильные холода; Сыръ Дарья во многихъ мѣстахъ покрылась довольно толстымъ слоемъ льда, 28 января, по при-

казанію начальника отряда, началась переправа на лѣвую сторону Сыра, но тутъ случилось происшествіе, едва не стоившее намъ большихъ хлопотъ. Паромъ, на которомъ перевозились орудія и другія громоздкія вещи, раздался отъ тяжести,—и одно орудіе, а за нимъ и прислуга полетѣли въ воду. Бывшіе тутъ молодцы уральцы не потерялись; они бросились вплавъ на помощь къ парому и скоро привели его въ порядокъ. Но надо было спасти людей и орудіе,—и тутъ помогли тѣ же уральцы, вытащивъ артиллеристовъ. Два уральскихъ казака, Никифоръ Сломихинъ и Никита Бокушнинъ, несмотря на сильный морозъ, раздѣлись и начали нырять въ глубь ледящихъ волнъ Сыра, пока не нащупали орудіе и не заарканили его, послѣ чего при помощи канатовъ сорвавшаяся упрямая пушка была опять установлена на паромѣ.

За этотъ истиннѣ самоотверженный подвигъ казаки Никифоръ Сломихинъ и Никита Бокушнинъ, а также товарищи ихъ,—Павель Бахинъ и Василій Суминъ, спасавшіе орудійную прислугу, произведены въ урядники.

Переправившись черезъ Дарью, отрядъ остановился въ прибрежныхъ камышахъ, гдѣ и пробылъ довольно долго, собирая верблюдовъ и заготавливая все необходимое для зимняго похода. Люди, за неимѣніемъ палатокъ, устроили себѣ прочные теплые шалаши изъ камыша и, не взирая на суровую погоду, были веселы и здоровы. Они умудрились даже отпраздновать русскую масляницу съ настоящими блинами,—и это въ дикой, тогда истиннѣ голодной степи!

Пьянства, въ которомъ такъ часто обвиняютъ старыхъ туркестанцевъ, здѣсь вовсе не было, потому что некому было даже и доставлять сюда напитки;—и далеко, и опасно.

Походъ совершался въ такомъ порядкѣ: впереди по глубокому снѣгу пускали казаковъ, за ними артиллерію, а позади всѣхъ слѣдовала пѣхота. Когда останавливались на ночлегъ, то казаки и солдаты разгребали снѣгъ до самой земли, постилали кошмы—и, укрывшись, чѣмъ Богъ послалъ, засыпали. Шли медленно, не болѣе 25 верстъ въ день.

Въ первыхъ числахъ февраля М. Г. Черняевымъ было получено отъ эмира письмо, въ которомъ сообщалось, что русскіе посланные будутъ вызваны изъ Бухары въ Самаркандъ. Полагая, что это не болѣе, какъ ловкая увертка со стороны бухарскаго правительства, желающаго такимъ об-

разомъ остановить движеніе русскаго отряда ¹⁾, М. Г. Черняевъ продолжалъ походъ.

Однажды вечеромъ въ городъ прибыли какіе-то конные бухарцы, заявившіе, что они сопровождаютъ гробъ умершаго русскаго изъ числа бывшихъ при посольствѣ въ Бухарѣ, и что лошади ихъ пристали. Объяснить точно, кого именно везли они въ гробу, бухарцы не могли.

Мятезь въ то время бушевала страшная;—свѣта Божьяго не видно было.

«Не знаю, говоритъ рассказчикъ, почему,—но въ отрядѣ думали, что прибывшіе бухарцы конвоируютъ трупъ самого полковника Глуховскаго, о которомъ ходили слухи, будто онъ умеръ въ Бухарѣ».

Какъ бы то ни было, по начальнику страда послалъ первую оренбургскую сотню на встрѣчу гробу воображаемаго посланника.

Прошелъ часъ, два, три, а казаковъ все нѣтъ... Начальникъ отряда сталъ беспокоиться, не попали ли наши оренбуржцы въ ловушку, и потому распорядился послать на подкрѣпленіе первой сотнѣ еще пятую согню Калугина. Снѣгъ былъ такъ глубокъ, что лошади могли двигаться только шагомъ; вотъ почему Калугинъ, выѣхавшій почти въ полночь, только на разсвѣтѣ увидѣлъ на бугрѣ кучку людей, копошившихся около какого-то предмета. Когда подѣхали ближе,—оказалось, что это была та самая арба, на которой везли гробъ неизвѣстнаго русскаго; около нея было человекъ пять бухарцевъ. Сотникъ Калугинъ приказалъ казакамъ заарканить арбу и помочь туземцамъ дотащить до лагеря. Въ это время вдали показалась и первая сотня, во время вьюги взявшая значительно вправо и потому сбившаяся съ дороги.

Когда казаки стали подходить къ лагерю, весь отрядъ былъ уже выстроенъ для встрѣчи останковъ мнимаго посланника. Велико было изумленіе всѣхъ, когда по вскрытіи гроба въ немъ оказался обложенный ватой трупъ простаго казачьяго урядника,—одного изъ конвоировъ нашего посольства.

Для возобновленія запасовъ фуража, въ которомъ ощущался большой недостатокъ, М. Г. Черняевъ послалъ 7 февраля по направленію къ Джизаку отрядъ изъ двухъ ротъ пѣхоты, четырехъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса. Пистолькорсу было

¹⁾ Донесеніе генераль-маіора М. Г. Черняева отъ 19 февраля 1866 года за № 72.

строго наказано не трогать жителей и брать силой фуражъ лишь въ томъ только случаѣ, если жители Джизака не захотятъ добровольно прислать тѣхъ припасовъ, которыхъ требовалъ отъ нихъ М. Г. Черняевъ.

Когда отрядъ приблизился къ предмѣстью Джизака, бухарцы, видимо, желая заманить отрядъ нашъ подъ удары крѣпости, завязали съ Пистолькорсомъ переговоры, а сами тѣмъ временемъ медленно отходили въ глубь огороженныхъ садовъ и построекъ.

Внезапно, при крутомъ поворотѣ улицы, русскіе наткнулись на заваль, откуда грянулъ въ нашихъ солдатъ залпъ, свалившій одного казака. Солдаты вскипѣли гнѣвомъ, моментально бросились на заваль и быстро имъ овладѣли. Вслѣдъ за этимъ нашъ маленькій отрядъ пробрался до базара, забирая по пути сѣно и дрова, но не трогая ни жителей, ни ихъ имущества.

Изъ крѣпостной цитадели по нашимъ войскамъ неожиданно былъ открытъ непріятелемъ орудійный огонь, не причинившій намъ особеннаго вреда. Въ то-же время на сотню, оставленную въ предмѣстьѣ для прикрытія отступленія фуражировочнаго отряда, бухарцы, дотолѣ мирно разговаривавшіе съ казаками, произвели, едва послышались выстрѣлы изъ крѣпости, неожиданное нападеніе, изрубивъ и переранивъ болѣе десятка казаковъ. Однако вѣроломные джизакцы жестоко поплатились за свое коварство; казаки быстро оправались и, взявъ пики на перевѣсъ, ринулись на непріятеля; бухарцы были смяты, опрокинуты—и, устилая улицы своими трупами, бросились на утекъ въ разсыпную.

Слыша въ городѣ стрѣльбу, М. Г. Черняевъ послалъ на подкрѣпленіе Пистолькорсу еще двѣ роты и два орудія. Увидя стройное и быстрое движеніе нашихъ войскъ, скорымъ шагомъ спѣшившихъ на поддержку боевыхъ товарищей, бухарцы струхнули и отхлынули назадъ къ своей крѣпости, а наши солдаты, набравъ достаточное количество дровъ и сѣна, спокойно возвратились съ свой лагерь.

Въ этомъ дѣлѣ противъ нашего отряда, по заключенію подполковника Пистолькорса, дѣйствовало не менѣе шести тысячъ бухарцевъ.

На другой день вечеромъ джизакскій бекъ прислалъ къ М. Г. Черняеву посланныхъ съ извиненіемъ за открытую якобы по нечаянности стрѣльбу по русскимъ изъ крѣпостныхъ орудій и обѣщалъ 9 февраля выслать изъ Джизака жителей, у которыхъ русскимъ можно будетъ покупать дрова и сѣно.

Но это обѣщаніе такъ и не было приведено въ исполненіе; бухарцы, очевидно, нарочно тянули переговоры, чтобы собраться съ силами.

10 февраля самъ эмиръ письмомъ увѣдомилъ М. Г. Черняева, что онъ разрѣшаетъ джизакскому беку доставлять русскимъ необходимый фуражъ, но такое высокоумѣренное снисхожденіе къ нашимъ требованіямъ было не въ духѣ русскихъ, и М. Г. Черняевъ не согласился пользоваться подачками бухарцевъ. Сообразуясь съ приказаніями, полученными чрезъ генерала Крыжановскаго изъ Петербурга, 11 февраля генералъ М. Г. Черняевъ двинулъ свой отрядъ обратно къ Чиназу.

Привыкши въ своей боевой жизни руководствоваться суворовскимъ девизомъ: *«глазомѣръ, быстрота и натискъ»*, туркестанцы неохотно возвращались назадъ. Ни шутокъ, ни веселаго смѣха, ни заливчатскихъ пѣсенъ въ отрядѣ не было слышно.

Но русскіе люди никогда долго не предаются унынію; такъ и въ настоящемъ случаѣ наши молодцы утѣшали себя мыслью, что, навѣрное, весною они вновь пойдутъ въ походъ,—и эта надежда ихъ не обманула.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ совершался этотъ зимній походъ, въ отрядѣ М. Г. Черняева больныхъ и отсталыхъ не было: у всѣхъ участниковъ экспедиціи—отъ офицера до солдата—настроеніе духа было бодрое и спокойное, и всѣ лишенія боевой жизни переносились поистинѣ молодецки.

14 февраля джизакскій отрядъ былъ уже на лѣвомъ берегу Сыра, противъ мѣста своей прежней стоянки у Линаза. Такъ кончился этотъ неудачный, но не безславный для насъ походъ.

Священникъ М. Омелюстый.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ:

„ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“

==== (50-й годъ изданія) =====

съ приложеніемъ:

„ТОЛКОВАНІЙ НА НОВЫЙ ЗАВѢТЪ

бл. Теофилакта Болгарскаго“.

Въ 1905 году при Казанской Духовной Академіи будетъ продолжаться изданіе журнала «Православный Собесѣдникъ», который будетъ выходить, какъ и ранѣе, ежемѣсячно книжками до 15 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ «Православный Собесѣдникъ» рекомендованъ Св. Синодомъ для выписыванія въ царковныя библіотеки, «какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства» (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе «Православнаго Собесѣдника» съ доставкой и пересылкой: безъ приложенія «Толкованій бл. Теофилакта» — въ Россію 7 руб., за границу—10 руб.; съ приложеніемъ же двухъ томовъ «Толкованій» — въ Россію 8 руб., за границу—11 руб..

Отдѣльныя книжки журнала продаются по 80 коп.

Адресъ редакціи: Казань, Духовная Академія.

Редакторъ профессоръ Л. Писаревъ.

„ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ“

въ 1905 году

будутъ выходить четыре раза въ мѣсяць, нумерами до двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ 5 рублей; вмѣстѣ съ «Православнымъ Собесѣдникомъ», но безъ приложенія «Толкованій бл. Θεофилакта» — 8 рублей, съ приложеніемъ же двухъ томовъ «Толкованій» — 9 рублей.

Адресъ: Казань, Духовная Академія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

вступая въ X годъ своего посильнаго служенія Церкви и отечеству, въ 1905 году будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ истекшіе годы. Давно переставъ быть, въ силу разносторонности и жизненности своего содержанія, узкимъ спеціальнымъ органомъ, «Мисс. Обзор.» нынѣ заключаетъ въ себѣ, наряду съ всестороннимъ изслѣдованіемъ и обличеніемъ расколо-сектантскихъ заблужденій, *православно-апологетическое обозрѣніе выдающихся событій современной церковно-общественной жизни.* Понимая внутреннюю миссію церкви въ широкомъ смыслѣ и значеніи, редакция «Мисс. Обзор.» считаетъ главнѣйшими и существеннѣйшими своими задачами въ наше духовно-смутенное время — 1) *миссію среди интеллигенции*, примиреніе ея съ церковью путемъ удовлетворенія ея религіозныхъ запросовъ всестороннимъ выясненіемъ вопросовъ вѣры и духовной жизни; 2) объединеніе съ православною церковью русскихъ людей, отторгшихся отъ православія; 3) огражденіе вѣрныхъ чадъ отъ вовлеченія въ расколъ и ереси; 4) охраненіе нетвердыхъ въ вѣрѣ отъ соблазна и колебаній, и, наконецъ, 5) возвращеніе къ истинѣ заблудшихъ отщепенцевъ.

Въ 1905 году «Миссіонерское Обозрѣніе» будетъ выходить двухнедѣльными выпусками въ объемѣ 8—10 и болѣе листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ, когда журналъ выходитъ по 1 книгѣ въ мѣсяць); всего въ теченіе года подписчики получатъ:

- 1) 20 книгъ журнала (около 200 печатныхъ листовъ).
- 2) Два бесплатныхъ приложенія:

I.

„МИССИОНЕРСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. БИБЛИИ“.

Діак. *И. Смолина*, въ 4-хъ отдѣлахъ. Изд. въ портативномъ форматѣ и разослано будетъ въ переплетѣ.

II.

„ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ ВЪ ПАСТЫРСКИХЪ ПОУЧЕНІЯХЪ“,

прот. *Н. Русанова*, — книжка, заключающая въ себѣ поученія и бесѣды о жизни и дѣятельности святыхъ угодниковъ и церковныхъ учителей, начиная съ Климента Александрійскаго и кончая св. Серафимомъ Саровскимъ.

Подписная цѣна за годъ съ приложеніями — 6 руб., за границу 8 руб. Для бѣдныхъ церквей и причтовъ — разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, и 3 руб. къ св. Пасхѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Невскій, 153), въ Москвѣ — въ Синодальной типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ.

Подробные проспекты на 1905 годъ — бесплатно. Пробная книжка журнала высылается за 50 коп. почт. марк., съ наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже. Комплекты журнала за прежніе годы (кромѣ 1897 г и 1900 г.) продаются по 4 руб. за годовой экземпляръ (безъ пересылки).

Редакторъ-издатель *В. М. Скворцовъ*.

Содержаніе. О подпискѣ на Вѣстникъ Воен. Дух-ва на 1905 годъ. — Награды по вѣдомству О. Протопресвитера. — Определеніе Полевого Главнаго священника во 2-ю маньчжурскую армію. — Бесѣда о томъ, какъ старослужащіе должны вести себя съ новобранцами. — Рѣчь предъ панихидою по воинамъ на брани убитымъ. — Закладка воен. храма при 45-мъ пѣх. Азовскомъ полку. — Какъ Псковскій кадетскій корпусъ провелъ Дмитріевскую субботу. — Сестра милосердія. — Адмиралъ и матросъ (разсказъ). Изъ недавняго прошлаго (отрывокъ изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 г.) — Разсказы изъ боевого прошлаго. — Объявленія.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ*.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 19-го Ноября 1904 года

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ*.